

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 286 с.

Тридцать лет назад увидела свет статья Алексея Петровича Конкки, оставившая заметный свет в карельской этнографии, – «Карельское и восточно-финское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом» [2]. Обращали на себя внимание и новизна темы, и эрудиция автора, и зрелость его суждений. В 2011 году в Санкт-Петербурге А. П. Конкка защищает кандидатскую диссертацию [3]. Читаем в автореферате: научный руководитель – К. В. Чистов (1919–2007). До триумфа своего талантливого ученика Кирилл Васильевич не дожил. О чем говорят эти разрывы во времени? О том, что перед нами исследователь, который работает не ради регалий, а во имя истины как таковой. Книга А. П. Конкки «Карсикко» – дело всей его жизни. Не боясь преувеличения, скажу так: это классический труд. Здесь все отточено – выверено – доведено до кондиции. Каждое слово весомо. Ответственный – добросовестный – настоящий ученый! Тематика монографии связана с дендролатрией – это культ деревьев; он исключительно важен для понимания духовной жизни народов Севера. Связь человека и природы здесь отличается особой глубиной и напряжением. Дерево входит в картину мира многоаспектно – с включением его хозяйственных, и экологических, и мифопоэтических аспектов. *Карсикко* – это дерево, ставшее знаком: оно принадлежит одновременно и природе, и социуму, являясь своего рода средоточием между ними. Эта его амбивалентная сущность представляет огромный и этнографический, и философский интерес.

Слово, первенствующее в лексиконе автора, образовано от *karsia*: обрубать сучья. Среди различных модификаций *карсикко* выделим две наиболее распространенные формы: это просто заломы веток, это просто затесы на коре. Предел *простоты!* Ее нижний порог! Ее экстремум! Хотя с формальной точки зрения коммуникативные возможности *карсикко* кажутся крайне бедными, но на поверку мы видим: их информационная емкость – огромна. Подчеркнем: *карсикко* способно к эволюции – к прогрессирующему усложнению. Однако даже на этой исходной стадии – все-таки ее не хочется называть примитивной – с помощью *карсикко* северянам дано сказать о многом.

Форма – природная, сущность – человеческая. Характерное двоение! В природу вписывается новый план – встраивается новое измерение. Биосфера здесь переходит в *ноосферу* (В. И. Вернадский). Или – если угодно – в *пневматосферу* (П. А. Фло-

ренский). Какие-то эмбрионы знаков существовали от века. Их проявление мистериально. Эта тема волновала художника Б. А. Смирнова-Русецкого. Мы видим на его полотнах, как из природных явлений выступают некие начертания – они вызывают чувство чьего-то неисповедимого присутствия.

Деревья, ставшие *карсикко*, – это уже *артефакты*. Среди лесов закладывается своеобразная *знаковая система*. Тут имеются свои коды и шифры, своя тайнопись. Востребованы переводчики. Считывая информацию, они делают ее доступной для других – скажем, для необученной молодежи. Но роль толмачей должна неуклонно уменьшаться. Круг знающих становится все шире. Слишком сильной харизмы здесь не надо. Языком *карсикко* овладевает вся община, хотя какое-то место для криптологии всегда остается. Это был довольно богатый язык. Он передавал весьма дифференцированные сообщения. Живы и отец, и мать? Или один родитель? Или оба умерли? *Карсикко* со всей определенностью отвечает на подобные вопросы.

Знаковая реальность начала формироваться еще в биосфере. Вспомним явление энтомофилии. Вспомним про территориальное поведение животных. Человек на этой стезе продолжает природу, разумеется, на качественно ином уровне. Очень точный термин: *доместикация пространства* – его своеобразное *одомашнивание*. Человек норовит мир превратить в дом. Отсюда соответствующие изоморфизмы. *Карсикко* работает на такое вочеловечивание пространства.

Обряды перехода: сколь успешным оказалось это понятие Арнольда ван Геннепа! Хочется его соотнести с гегелевской *узловой линией мер* – она фиксирует, как что-то ломается внутри системы, прорываясь к небывалым возможностям. Это своего рода диаграмма *кризисов*. *Карсикко* часто вырастает в узлах этой линии. Понятие *перехода* показало свою замечательную универсальность. А. П. Конкка внес весомую лепту в раскрытие его богатейшего потенциала. Феномен *карсикко* оказался на редкость выигрышным для этого. Смерть человека – разумеется, *переход*, по современному – *катастрофа*. Несмотря на то, что часто принимает спокойную – умиротворенную – форму. Старается быть незаметной. Что из этого? Хайдеггеровское *бытие-к-смерти* – основа нашей экзистенции. Проведенная Танатасом черта – при любых обстоятельства – непреложна. *Карсикко* – ретушь этой черты: ее визуальное усиление.

Читаем в рецензируемой книге: «*Переход из одного состояния в другое как самих объектов, так и окружающего их мира – порождает необходимость использования “сквозных” универсальных предметных и акциональных символов*» [4: 6]. Выявление этого сквозжения – сущностных подобий – очень значимо для науки. Дерево – в мифопоэтическом измерении – как бы чревато человеком.

Иногда кажется, что великие мастера деревянной скульптуры – Степан Эрьзя и Сергей Конёнков – всего лишь принимали роды, помогая стволу разрешиться: в нем таился готовый образ. Этот эффект усиливается в работах современного мастера Бориса Сергеева. Обработка дерева у него минимальная. Два-три удара топора – будто колдовское мановение: чурка превращается в статую. Монография А. П. Конкки заставила меня задуматься о генезисе славянской языческой скульптуры. Деревянные идолы волновали воображение замечательных живописцев – Николая Рериха, Юрия Ушакова, Виктора Никитина. Сохранилась летописная память о древних капищах. О них выразительно свидетельствует Ибн-Фадлан: «*Святилище русов располагалось под открытым небом. Оно представляло собой некий участок земли, усеянный воткнутыми резными “деревяшками”, верхняя часть которых грубо изображала подобие человеческого лица*» [1].

Штудии А. П. Конкки эвристичны. Читаешь про финно-угорское – и ищешь параллели к славянскому. Затес на коре – намек на личину – высокий пень, принявший человеческие черты, – и вот завершающая фаза: готовая – самодовлеющая – скульптура. Этот процесс можно истолковать как нарастание антропоморфности. Или как движение в сторону натурализма. *Мера условности*: этот критерий очень важен для понимания знаковых систем, взятых в развитии. Условное убывает! Знаковую функцию может нести что угодно. Главное – договоренность: понимание строится на конвенциональной основе. Оно возможно лишь для круга посвященных. Ты заламываешь ветку – и этим даешь знак другому: постороннему трудно догадаться о смысле обращения. Что абстрактней такого знака? Но вот под моим ножом появляется нечто образное. Уже почти реалистическое! Это крайне важная – многое предопределяющая и раскрывающая – тенденция. Культура именно финно-угорских народов дает исключительные возможности для пристального исследования этой тенденции. Тут многое еще живо – не стало преданием.

Человек и дерево – как сообщающиеся сосуды: тут возможны взаимоперетоки витальной энергии. И сакральной информации тоже! Хвоя с *карсикко*, посвященного умершему, – ее надо класть под подушку: возможно установление сновидческой связи. Контакты с потусторонним, осуществляемые посредством *карсикко*, несут на себе печать двойственности. Оттуда можно ждать и поддержки, и подвоха. Упование перемежается с опаской. Понятно охранительное значение *карсикко*. Нельзя сказать, что это жесткая

оборона – скорее упреждающая защита. Дух умершего должен оставаться в локусе, назначенному ему от века. Не может быть и речи о полном прекращении контактов. Таковые должны отлаживаться. Этую миссию и выполняет *карсикко*.

Очень интересно рассуждает А. П. Конкка о жизненной силе, представления о которой связываются с *карсикко*. *Народный витализм*: это очень и очень серьезно. Пращуры были уверены, что существуют некие источники, привносящие в наш мир – со скрытых планов бытия – дополнительную энергию. Законы сохранения здесь нарушаются. Но что без таких нарушений народный космос? Вспомним *прану* индузов. Или *ману* полинезийцев. Благодаря этим неуловимым реалиям в мире уменьшается энтропия. Через *карсикко* в наш мир притекает нечто подобное.

В отношении северного человека к природе всегда была мера. Или как лучше сказать – *мудрый оптимум?* *Тонкий баланс?* Случалось, что равновесие нарушалось – причем резко. К примеру, это могло происходить на фоне так называемых *волн жизни*, когда фантастически увеличивалась численность организмов. Это бывало и с птицами, и со зверьми. Люди понимали – взяли лишнее. Ощущали вину перед природой. Сие душеполезное состояние тоже отмечалось *карсикко*.

Предмет исследования получает у А. П. Конкки очень широкий контекст. В локальном высвечивается всемирное. Компаративистика работает на полную мощь. Подчас ее ходы непредсказуемы. Так, несколько неожиданным кажется обращение автора к Мирче Элиаде: процесс инициации он связывал с подъемом – вскарабкиванием – на дерево. Приобщение к высоте тут имеет много смыслов. Это и акт очищения, и испытание мужества. И даже почти что *теозис*: попытка подняться в верхний мир – примериться к позиции божества. Автор мыслит системно. Он любит аналогии, параллелизмы. Принимая этот стиль, мы бы сравнили обряд инициации по М. Элиаде с известной магической практикой: шаман в экстазе восходит и нисходит вдоль оси Мирового древа – обеспечивает жизненно важную связь разных уровней бытия. Что-то подобное могло иметь место в случае с *карсикко*? Но уже наяву – в живом обряде. Ведь для манипуляций с вершиной дерева надо было подниматься на приличную высоту. Акциональное сходство налицо. Было бы интересно его уточнить. *Arbor Mundi* – великая универсалия. Уже поэтому нечто предельно типизированное – схематически обобщенное – почти абстрактное. *Карсикко* – проекция Мирового дерева на житейский план бытия; его чувственно доступный *алломорф* – или *ипостась*, данная в непосредственном созерцании. Ярусность Мирового дерева может пониматься очень наглядно. Еще раз подчеркнем: его трехуровневая структура – весьма отвлеченное представление. Однако у северных народов оно иногда получает предельную конкретизацию. Задействуем условный высотомер – и вместе с манси войдем в его родной лес. Мировое дерево тут осуществило

самопосев? Размножилось? Мы входим в насаждение Мировых древ. Каждое – представительно: всецело сохраняет семантику первообраза. Но как бы заземлено и занижено. Это тебе не гигантский Игграсиль: нечто и впрямь сомасштабное размаху Вселенной. Никакой гиперболизации! Перед нами уменьшенные копии Мирового древа? Его фрактальные подобия? Условные замещения? *Верхний мир* у манси – вот он озирается в своем волшебном лесу – начинается с высоты 7 м. *Средний мир* – 5 м. *Нижний мир* – 2 м. Укороченные интервалы! Это адаптация к восприятию человека, к его потребностям? Размеры тут не имеют принципиального значения. Достигается главная цель: пространство структурируется – намечается его зональность [5]. Причем не только в интересах умозрительной космологии, но прежде всего – ради практических действий человека, осваивающего и видимый, и невидимый мир. Это прагматизация символа. Его внедрение в непосредственный опыт человека.

Карсикко промысловика – *карсикко* неофита – *карсикко* умершего: сколь ни разнообразны эти проявления одного архетипа, но во всех случаях мы видим сохранение следующих функций:

– это медиаторы (*скрепы между явным и скрытым, старым и новым, живым и мертвым и т. д.*);

– это обереги (*нужна охрана от экстраординарного – от чужеродного – от трансцендентного и т. д.*);

– это факты языка (*деревья-нarrативы, деревья-вопрошания, деревья-ламентации и т. д.*).

Собственно, третье сечение объединяет собой два первых, ибо во всех случаях мы имеем дело с деревьями-текстами, желающими нам нечто сообщить и что-то растолковать; о чем-то напомнить и куда-то направить; предупредить – насторожить – дернуть и т. д.

Исследования А. П. Конкки открывают новый класс *письменности*. Именно так! Эта форма *письма* не знает аналога. Назвать ее зачаточной? Но посмотришь с другой стороны – и увидишь нечто гибкое, изощренное.

Карсикко связано с идеей пути. Часто это *веха*, отмечающая не столь расстояния, сколь важные для личности и общины события. Это жизненный путь. Дорога жизни! Ведь не всегда движение по ней будет скучным и рутинным. Случается яркое, запоминающееся. *Карсикко* и отметит его. Особо значим путь на кладбище. Здесь маркировка относится не только к профанному, но и к сакраль-

ному пространству. *Путь в царство мертвых!* Где-то он обрывается для нашей сенсорики – и его уже нельзя проследить топографически: так сказать, отложить на карте местности. Оборвавшись здесь, он продолжается там. *Карсикко* обозначит эту точку разрыва. А. П. Конкка показал: карельские кладбища – это порой целые рощи *карсикко*. Разглядываешь деревья – как листаешь страницы. Есть ли более удивительная книга?

Переход в мир мертвых предполагает различные инверсии, скажем, зеркальное обращение признаков – сотворение наоборотной реальности. Приведем цитату из ранней статьи А. П. Конкки: «Э. Леннрот сообщает в своих путевых заметках, что в сосновых лесах к северу от Кандалакши он на многих деревьях вдоль дороги видел вырезанные в коре “человеческие изображения”, перевернутые вниз головой» [2]. Здесь намечается интересная проблематика. Каждая культура знает свой *антимир*. Как он видится финно-уграм? *Карсикко* – это как бы представительство пращура. Он продолжает участвовать в наших делах, но снести с ним можно только опосредованно. *Карсикко* принимает от нас просьбы, жалобы, пожелания – и передает их адресату. С ним здороваются. Ему приносят пищу. *Замещение* ушедшего человека *карсикко* осуществляется с предельной полнотой. Это важнейшая регуляторная функция, позволяющая гармонизировать два уровня бытия: ныне здравствующих – и обретших вечный покой. Сама граница между ними становится предельно условной. Происходит столь важная для народного космоса релятивизация вроде бы противоположных смыслов. Они обнаруживают свою взаимоперетекаемость. О семиотике *карсикко* в книге сказано так: «*По нашему мнению, на первый план здесь выступает не антропоморфность, а функция знака, в котором заложены гораздо более широкие смыслы. Человекоподобное изображение есть лишь одна из форм отражения семантики ритуального символа*» [4: 32]. Зарубка – совсем не портрет. Но в знаковом аспекте эквивалентна портрету! Денотат здесь один и тот же. *Кукла – дерево – человек – текстильное изделие*: выстраивая этот весьма разнородный ряд, А. П. Конкка показывает, что все его члены изоморфны друг другу. Сюда хотелось бы ввести и *резную прялку*. Элементарный затес тоже входит в эту череду. Инвариантность пронизывает несхожие вещи. Такое возможно лишь в мире знаков – *семиосфере* Ю. М. Лотмана. А. П. Конкка открыл ее новое измерение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибн-Фадлан. «Записка» о путешествии на Волгу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oldrus.livejournal.com/157552.html> (дата обращения 08.07.2016).
2. Конкка А. П. Карельское и восточнофинское *карсикко* в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом. Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85–112 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/9.asp> (дата обращения 08.07.2016).
3. Конкка А. П. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2011. 28 с.
4. Конкка А. П. *Карсикко: Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 206 с.
5. Мансиjsкий след. Часть третья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/p/piskarewa_m_1/mansled3.shtml (дата обращения 08.07.2016).

Поступила в редакцию 08.08.2016